

Иванов И.В.,

*руководитель следственного отдела по Красноглинскому району города Самара
следственного управления Следственного комитета РФ по Самарской области
(Россия)*

ПОЗИТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития в российском уголовном законодательстве понятия, трактуемого ныне как позитивное поведения лица, совершившего преступление, и влияния такого поведения на решение вопроса об ответственности виновного.

Ключевые слова: позитивное поведение, поведение после преступления, стимулирование позитивного поведения, смягчающие наказание обстоятельства, история уголовного законодательства

Постановка проблемы. Поведение лица, совершившего преступление, но после его совершения «одумавшегося» либо испугавшегося и предпринимающего усилия по сведению к минимуму или нейтрализации его негативных последствий: оказывающего медицинскую помощь раненому, возмещающему причиненный имущественный ущерб, признающему свою вину, нередко чистосердечно раскаивающемуся в содеянном и оказывающему помощь в расследовании совершенного преступления, объективно свидетельствует о сравнительно меньшей степени опасности такого лица и необходимости смягчения оказываемого на него уголовно-правового воздействия.

Изложение основного материала. В законодательных актах Киевской Руси прямых указаний об этом не обнаружено, что, на наш взгляд, обусловлено объективными причинами — отчасти господством принципов талиона и кровной мести, отчасти — неразвитостью законодательства. Однако, как нам представляется, и в то далекое время люди (судьи, потерпевшие), оставаясь людьми, не могли игнорировать факта искреннего раскаяния виновного, его стремления примириться с потерпевшим, загладить свою вину, возместить причиненный вред и т.п. И это наше

предположение находит подтверждение в Псковской и Новгородской судных грамотах, Судебниках Рязанского и Ростовского княжеств, в которых уже предусматривались некоторые правила о применении более мягких наказаний при наличии указанных выше признаков.

В русских памятниках права XIII-XV вв. (договор Смоленска с немцами, Кормчая книга, Псковская судная грамота, Пространная редакция Русской Правды) хорошо известно *поле* — открытая вооруженная схватка, единоборство, победитель которой признавался невиновным [1]. Судебный поединок в Древнерусском государстве применялся как вид доказательства по делам, не затрагивавшим интересы государства, т.е. сравнительно небольшой тяжести. Отказ от *поля* расценивался как признание своей вины. Проигравший дело подвергался наказанию, предусмотренному законом за соответствующее преступление. Предусматривалась возможность примирения сторон [1], и, хотя закон не содержит каких-либо указаний о последствиях примирения, можно предположить, что примирение, как правило, означавшее компромисс, на практике влекло менее строгие последствия для лица, обвинявшегося в совершении преступления.

О возможности примирения сторон конфликта (лица, предположительно совершившего «*лихое дело*», и потерпевшего) упоминается в статьях 4 и 5 Судебника 1497 года, регламентировавших вопросы оплаты пошлин за проведение *поля*. Так, в ст. 4 Судебника указывается: «А досудятся до поля, а у поля не стояв, помиряться...» [2], далее следует указание на размер взимаемой пошлины; в ст. 5 говорится: «А у поля стояв помирятся...» [2] и вновь следует указание на размеры полевой пошлины. Упоминаемое данными нормами примирение сторон, как «...у поля

не стояв...», так и «...у поля стояв...» свидетельствует о возможности примирения сторон на разных стадиях судебного производства, и не ограничивалось властями. Данные нормы закона поощряли примирение, недоведение «поля» до конца, используя при этом скорее экономические рычаги воздействия — сумму взимаемой пошлины, которая в случае отказа от судебного поединка была меньше, чем при его проведении.

Судебник 1550 года также упоминает о возможности примирения сторон. Так, в ст. 9 Судебника говорится: «А досудятся до поля, да не став у поля, да помирятся...» [2], та же мысль и в ст. 10: «А у поля став помирятся...» [2]. И в том, и в другом случае, указанные статьи регламентируют размеры полевой пошлины, однако смысл этих статей имеет и материально-правовой аспект: они содержат прямые ссылки на возможность примирения сторон в качестве возможного варианта постпреступного поведения и его стимулирования посредством уменьшения суммы взимаемой пошлины. Судебники 1497 года и 1550 года не дают толкования, каким образом стороны могут примириться. Возможно, сюда включалось и возмещение виновным причиненного в результате совершения преступления потерпевшему вреда и, возможно, чистосердечное раскаяние перед потерпевшим, и какие-либо иные условия. Для законодательства того времени был важен сам факт примирения, а не способы его достижения.

В дальнейшем, когда судебный поединок перестал использоваться как вид доказательства, законодатель также устанавливает возможность примирения сторон. Так, согласно ст. 121 главы X Соборного уложения 1649 года, «... которые исцы и ответчики учнут миритися до совершения судных дел, и им о том велеть приносить к судным делам мировые челобитные за своими руками...» [3]. Однако такое примирение допускалось лишь по преступлениям небольшой тяжести: согласно ст. 31 главы XXI Уложения, «... которые исцы с розбойники или с приводными людми с поличным в розбойных делех, не дожидаяся указа, учнут миритися, и мировые челобитные учнут в приказ приносить, и тот их мир ставити не в мир, и розбойником указ чинити, по государеву указу, кто чего доведется...» [3]. Законодатель устанавливал прямой запрет на

примирение потерпевшего с лицом, виновным в разбое, под угрозой применения наказания: «...А исцом за то пеня чинити смотря по делу, не мирися с розбойники» [3].

Это одно из проявлений и свидетельств того, что по мере укрепления централизованного Русского государства укреплялись публичные основы права и правосудия: привлечение к ответу постепенно становилось все более делом публичным, а не частным, как в Древнерусском государстве.

Пожалуй, впервые прямые указания в законе о необходимости учитывать позитивное поведение виновного после совершения им преступления были сделаны в ст. 1069 т. XV Свода законов Российской Империи и впоследствии в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в главе третьей (отделении втором) которого содержался специальный подраздел «V. О обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание». В соответствии со статьей 140 Уложения, к числу таких обстоятельств, «в большей или меньшей мере уменьшающих вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания», были отнесены, в частности: «1) Когда виновный добровольно и прежде, нежели на него пало какое-либо подозрение, явился в суд или же к местному или другому начальству и вполне чистосердечно с раскаянием сознался в учиненном преступлении; 2) Если он, хотя и после уже возбуждения на счет его подозрения, но вскоре, без упорства, по одному из первых на допросе убеждений или увещаний, учинил с раскаянием полное во всем признание; 3) Если он без замедления, благовременно и также с полною откровенностью, указал всех участников его в преступлении»; ... 8) Если при самом содеянии преступления он почувствовал раскаяние или сожаление к жертвам оного и по сему побуждению не совершил всего преднамеренного им зла, особливо же когда он удержал от того и своих сообщников»; 9) Если он по содеянии преступления старался по крайней мере отвратить хотя некоторые из вредных оного последствий и вознаградить причиненные оным зло или убыток» [4].

При наличии одного или нескольких из перечисленных в ст. 140 обстоятельств суд оценивал их в совокупности со всеми обстоятельствами по делу и мог соответствующим

образом «также более или менее уменьшать, но однако же в определенной законом степени, меру следующего за оное наказание» (ст. 141 Уложения) [4].

В Главе четвертой Уложения о наказаниях, названной «О смягчении и отмене наказаний» предусматривалась возможность назначения наказания более мягкого, чем предусмотрено законом за соответствующее преступление. Согласно ст. 157 Уложения: «Наказание, определенное в законе за какое-либо преступление или проступок, может не только быть уменьшаемо в мере, как о том постановлено выше сего в статье 141, но даже смягчаемо в степени и в самом роде оно: 1) Когда преступник, явившийся сам собою в суд с повинною, или даже и взятый к допросу по подозрению, не только учинит полное чистосердечное признание в своем преступлении и укажет всех своих сообщников, но, сверх того, доставлением верных в свое время сведений, предупредит исполнение другого злого умысла, грозившего опасностью какому-либо частному лицу, или многим, или всему обществу и государству; 2) Когда преступник, сверх добровольного и полного признания в своем преступлении, заслуживает еще особенного снисхождения по прежней долговременной беспорочной службе, или по каким-либо отличным заслугам и достоинствам; ...» [4]. Однако такое решение суда не является окончательным, оно подлежит санкционированию вышестоящих судебных инстанций вплоть до Правительствующего сената и даже царя (ст. 159 Уложения) [4].

О необходимости учета поведения виновного после совершения им преступления говорилось и в некоторых статьях Уложения о наказаниях, предусматривавших ответственность за конкретные преступления (разделы 2 -5).

Так, в ст. 319 Уложения, которая предусматривала ответственность за фальсификацию документов, в части, устанавливающей размер и меру ответственности, говорится о смягчении наказания при условии явки виновного «к суду или начальству с повинною в своем преступлении», если он не использовал подложные документы» [5].

Также в ст. 320 Уложения, установившей строгую ответственность за фальсификацию документов, издаваемых Правительствующим сенатом говорится: «если, однако же, составив подложный или злонамеренно изменив

настоящий указ Правительствующего сената, виновный в том впоследствии раскается и не сделает из сей бумаги никакого употребления», то санкция за указанное преступление снижается. Кроме того, санкция еще уменьшается в случае, если преступник «при сем добровольно, по собственному побуждению, явится к суду или начальству с повинною в своем преступлении и тем предупредит всякое вредное последствие сделанного им подлога» [5]. Согласно ст. 322, установившей ответственность за фальсификацию документов, издаваемых губернскими властями, преступник «явившийся благовременно с раскаянием и повинною в своем преступлении к суду или начальству и тем предупредивший всякое вредное последствие сделанного им подлога, подвергается» [5] меньшему наказанию.

В ст. 402 Уложения, предусматривавшей ответственность за получение взятки, говорилось, что если «получивший такую взятку, прежде какого-либо вследствие оной нарушения своих по службе обязанностей объявит о том с раскаянием своему начальству, то суд может, смотря по обстоятельствам, более или менее уменьшающим вину его и более или менее удостоверяющим в искренности его раскаяния, ограничить его наказание...» [5].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. внесло существенный вклад в развитие российского законодательства, однако оно не представляло собой достаточно четкого, юридически точно разработанного уголовного кодекса, содержало немало архаичных положений, которые с течением времени все более обострялись. Новая редакция Уложения была осуществлена в 1866 г. в связи с проведением в стране крестьянской реформы, реформы полиции, судебной реформы и некоторыми изменениями карательной политики государства [5], и затем в 1885 г.

В обновленной редакции Уложения образца 1885 г. говорилось об обстоятельствах, уменьшающих ответственность, в числе которых различались обстоятельства, уменьшающие вину, и обстоятельства, смягчающие наказание.

Согласно ст. 134 Уложения, к числу обстоятельств, уменьшающих вину, «...а с тем вместе и строгость следующего на оную наказания...» отнесены, в частности, такие действия виновного, как: «2) раскаяние или сожаление к жертве, проявленное виновным

во время учинения преступления, когда он не довершил всего преднамеренного, а особенно, если удержал от того своих соучастников, и 3) поведение преступника после учинения преступления, свидетельствующее об его неполной испорченности, а именно: а) отвращение, по содеянии преступления, вредных от него последствий и вознаграждение причиненного от него зла; б) добровольное и чистосердечное признание в преступлении и раскаяние в нем, если оно последовало прежде, чем пало на виновного подозрение, или на одном из первых допросов, и в) благовременное и откровенное раскрытие соучастников» [6].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. также указывал «обстоятельства, уменьшающие вину подсудимого», но в более упрощенном виде относя к ним, в частности: «добровольное, до постановления приговора, вознаграждение понесшего вред и убыток» и «признание и чистосердечное раскаяние» (п.п. 5 и 6 ст. 13 Устава) [7].

Обстоятельствами, смягчающими наказание, согласно ст. 153 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1885 г.), признавались, в частности: «1) Полное чистосердечное сознание подсудимого, явившегося с повинной, или (и) взятого к допросу по подозрению, если он не только укажет всех сообщников, но и, сверх того, доставлением верных и своевременных сведений предупредит исполнение какого-либо другого преступного умысла, так что этим пунктом не мог воспользоваться преступник, не имевший сообщников или не имеющий сведений о каком-либо ином преступлении, кроме учиненного им. 2) Добровольное и полное сознание подсудимого, если он притом заслуживает особого снисхождения по прежней безупречной службе или по отличными заслугам и достоинствам» [6].

В Общей части Уголовного Уложения 1903 года содержалось отделение шестое «О смягчении и замене наказаний», где говорилось, в частности, о смягчении наказания и перечислялись последствия применения такого смягчения. Так, согласно ст. 53 Уголовного Уложения, «виновному, признанному, при наличии уменьшающих вину обстоятельств, заслуживающим снисхождения, наказание смягчается на следующих основаниях: 1) не может быть назначена высшая мера наказания за учиненное преступное деяние, в законе

установленная; 2) при определении в законе за преступное деяние низшего предела наказания суду предоставляется право уменьшить оное до низшего законного размера сего рода наказания; и 3) при отсутствии в законе особого определения о низшем пределе наказания за преступное деяние суд может уменьшить это наказание до низшего законного размера сего рода наказания» или, за исключением прямо перечисленных в Уложении случаев, «перейти к другому наказанию» [8].

Перечень самих обстоятельств, наличие которых позволяло применять к преступнику правила данной статьи, в Уголовном уложении 1903 года отсутствовал. Как пишет Ю.П. Титов: «...если решением присяжных подсудимый признан заслуживающим снисхождения, то суд должен уменьшить следующее ему по закону наказание одною степенью; а если усмотрит в деле особые обстоятельства, уменьшающие вину, то двумя степенями. В случае особенной важности суд может ходатайствовать о помиловании преступника...» [9], что представляет собой значительное смягчение. Таким образом, смягчение наказания допускалось, хотя бы суд не признал никаких фактических в деле данных, уменьшающих вину; достаточно, чтобы из общей оценки личности осужденного он пришел к убеждению, что виновный достоин снисхождения.

Вывод. Таким образом, в дореволюционном российском законодательстве постепенно оформился самостоятельный субинститут уголовного права, включавший нормы, регулирующие обстоятельства, признававшиеся смягчающими или отягчающими наказание виновного. Среди таких обстоятельств постепенно выделялись и такие, которые характеризовали позитивное поведение виновного после совершения им преступления.

Возникновение и развитие указанного субинститута было обусловлено объективными закономерностями общественного развития. В соответствии с этими закономерностями по мере накопления теоретического и законодательного материала и обогащения опыта борьбы с преступностью постепенно совершенствовалось законодательное регулирование системы видов обстоятельств, признававшихся смягчающими или отягчающими наказание виновного, условия и порядок применения их на практике.

Литература:

1. Российское законодательство X—XX веков. — Т. 1. — М. : Юрид. лит., 1984. — С. 92.
2. Российское законодательство X—XX веков. — Т. 2. — М. : Юрид. лит., 1985. — С. 55.
3. Российское законодательство X—XX веков. — Т. 3: Акты Земских соборов. — М. : Юрид. лит., 1988. — С. 117.
4. Российское законодательство X—XX веков. — Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. — М. : Юрид. лит., 1988. — С. 201.
5. Российское законодательство X—XX веков. — Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. — М. : Юрид. лит., 1988. — С. 251.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. — Т. 2. — М. : Наука, 1994. — С. 295.
7. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Российское законодательство X — XX веков. — Т. 8. — М. : Юрид. лит., 1988. — С. 396.
8. Российское законодательство X—XX веков. — Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. — М. : Юрид. лит., 1994. — С. 287.
9. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов. — М. : Проспект, 2000. — С. 261.

Іванов І.В. Позитивна поведінка особи, яка вчинила злочин, в історії кримінального законодавства дореволюційної Росії.

Анотація. У статті розглядається історія виникнення та розвитку в російському кримінальному законодавстві поняття, що трактується нині як позитивна поведінка особи, яка вчинила злочин, і вплив такої поведінки на вирішення питання про відповідальність винного.

Ключові слова: позитивна поведінка, поведінка після злочину, стимулювання позитивної поведінки, обставини, які пом'якшують покарання, історія кримінального законодавства.

Ivanov I.V. Positive behavior of the perpetrator, in the history of criminal law in pre-revolutionary Russia.

Summary. The article deals with the history and development of the Russian criminal law concept that is now treated as a positive behavior of the person who committed the crime, and the impact on the issue of liability alone.

Keywords: positive behavior, the behavior after the crime, stimulates three major local inducus positive behavior, circumstances that mitigate punishment, the history of criminal law.